

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

XXIX.

Въ 1874 году въ числѣ другихъ была и у насъ открыта четырехклассная прогимназія. Во главѣ новаго очага просвѣщенія былъ поставленъ нѣкто П., учитель русскаго и латинскаго языковъ въ первомъ классѣ какой-то губернской гимназіи.

Если бы любопытствующій задалъ ему вопросъ: „Какъ дошелъ ты до жизни такой?“ то формуляръ его отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ тако: окончилъ курсъ въ Демидовскомъ Ярославскомъ юридическомъ лицей. Теперь это обычное высшее учебное заведеніе, гдѣ проходятъ науки юридическихъ факультетовъ россійскихъ университетовъ; когда же П. кончалъ тамъ курсъ, то и пріемъ туда и выпускъ оттуда былъ въ совершенно другихъ условіяхъ. Лицей былъ учрежденъ съ исключительною цѣлью подготовленія чиновниковъ для государственной службы, поступать туда, кажется, могли въ то время и не окончившіе курса гимназіи.

И вотъ П. студентъ лицея; оканчиваетъ онъ тамъ курсъ съ отличіемъ, награждается серебряной медалью... Но не пугайтесь: медаль эта ничего не прибавила къ тѣмъ достоинствамъ, съ какими пустила его мать-природа слоняться по бѣлу-свѣту...

По натурѣ своей онъ юсъ, чиновникъ съ головы до пятъ, но судьбѣ угодно было допустить непростительную шутку; она толкнула его на педагогическій путь, и онъ занялъ мѣсто младшаго учителя въ одной изъ большихъ губернскихъ гимназій. Тамъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ четырехъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

классахъ, когда же былъ введенъ новый гимназическій уставъ, въ 1871 г., то П. было поручено преподаваніе и латинскаго языка въ I классѣ. Это была граница, за которую съ своими познаніями по латинскому языку ни самъ онъ никогда не переступалъ, ни директора не рисковали выпускать его, опасаясь тяжкаго, смертнаго, незамолимаго грѣха, который неизбежно долженъ былъ пасть на ихъ душу, если бы П. очутился учителемъ хотя бы пятаго класса по русскому языку и латинскаго языка выше перваго класса.

Такъ творили мы на скорую руку доморощенныхъ классиковъ...

„Тщеты россамъ всѣ преграды!..“

Кто-то сказалъ, кажется, по этому случаю.

Внѣшность его тоже была не совсѣмъ обыкновенна: высокій лобъ въ родѣ картонки изъ-подъ муфты, благодаря которому его всѣ звали „тыквой“, бакенбарды котлетами, крупныя черты лица, и громадныя на выкатѣ рачьи глаза; курилъ онъ очень много, папиросы—пушки; пилъ—тоже, но пилъ по-фельдфебельски, въ одиночку, по вечерамъ, около своего шкафчика; подойдетъ къ нему, замочекъ тринкнетъ, объемистая рюмочка наполняется, вонзится онъ ее въ себя, крикнетъ, закуситъ огурчикомъ или рѣдичкой и пойдетъ опять сновать основу по комнатѣ.

Когда въ первый разъ Величъ встрѣтилъ его на улицѣ, то физіономія П. вырвала у поэта довольно удачный экспромптъ:

Инспекторъ прогимназіи
Для блага горожанъ
Былъ выписанъ изъ Азіи
Изъ стада обезьянъ.

Я назвалъ этотъ экспромтъ удачнымъ: дѣйствительно, наружность П. смахивала на гориллу.

Характера онъ былъ твердаго, непоколебимаго: что заладилъ, то, ужъ извините, скорѣе царь-колоколъ можно было сдвинуть съ мѣста, но только не его.

У него была большая семья и почти вся сплошь тоже неудачная: яблочки отъ яблоньки упали недалеко; очевидно, паденіе происходило, когда барометръ показывалъ „тихо“ и вѣтеръ не откатилъ падали отъ древа.

Мнѣ пришлось служить съ нимъ и, волей-неволей, пришлось подойти къ нему близко, заглянуть во внутренняя его, и я только диву давался, какъ можно поручать подобнымъ гос-

подамъ такіе отвѣтственные посты, какъ начальника средняго учебнаго заведенія.

Людей что ли не было?

Да, конечно, не было.

А загорѣлось во что бы то ни стало Эукидида переводить, вотъ и П. пригодился.

Удивительно!

Впрочемъ, что же мнѣ удивляться послѣ тридцатилѣтней службы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: „тамъ чудеса разсѣяны повсюду“.

Итакъ, открылась прогимназія. Городъ хоть и уѣздный, но большой, жителей было съ пригородами тысячъ 25—30. Слѣдовательно, учить было кого.

Но... законъ... уставъ... циркуляръ... параграфъ... инструкция... статья... самый тѣсный формализмъ, а главное дѣло—неопредѣленная физиологами до сего времени та масса, которая была набита ему въ голову, но которую никакъ было нельзя назвать мозгомъ—все это сдѣлало то, что гимназія въ теченіе первыхъ же четырехъ лѣтъ стала чахнуть... чахнуть и чуть совсѣмъ не побывшала...

Къ счастью, въ другомъ городѣ нашелся дѣятель совсѣмъ противоположной закваски.

Въ то время какъ П. изъ тридцатитысячнаго населенія могъ набрать только 40—50 учениковъ для четырехъ классовъ, другой чудодѣй въ городѣ съ тринадцатю тысячами населенія ухитрился напичкать въ свою четырехклассную прогимназію около двухсотъ человѣкъ, при чемъ приемы этого чудодѣя были до крайности просты.

Привозить, напримѣръ, водовозъ воду, или приносить кузнецъ кочергу, которую наваривалъ, и у нихъ съ инспекторомъ происходилъ такой разговоръ:

— У тебя, Акимычъ, дѣти-то есть?

— Какъ же, батюшка, дѣтямъ не быть...

— И мальчики есть?

— Мальчиковъ трое, да дѣвочки двѣ.

— Учатся?

— Учатся, родимый, учатся... Да силушекъ-то нѣтъ у насъ...

Хочу въ мастерство отдать...

— А сколько, лѣтъ-то имъ?

— Да старшему 13-й годокъ пошелъ, второму—одиннадцатый, а третьему шестой, еще безъ штанишекъ бѣгаетъ.

— А гдѣ учатся-то?

— Да одинъ-то во второй уѣздный перешелъ, а другой—въ приходскомъ.

— Да чтожь это: воду къ намъ возишь, а дѣтей учиться не отдаешь?

— П... и... родимый! Гдѣ ужъ намъ... У тебя чай учеба-то чего стоитъ? А намъ гдѣ взять... Иной разъ сапожишекъ починить не на что, а не то что за ученье платить... Легко сказать, 40 р. въ годъ... Откуда ихъ взять?

— Да ты не безпокойся... Отъ платы за ученье освободимъ... форменное платье сошьемъ, сапоги купимъ, учебники дадимъ. Приводи! не бойся!

И водовозъ ведетъ обоихъ ребятъ, и они учатся... Ихъ освобождаютъ отъ платы, даютъ учебники, одѣваютъ и обуваютъ, а учатся со всячинкой... При этомъ, конечно, требованія устава во многомъ нарушались, какъ, на примѣръ, въ возрастѣ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, немудрено было набрать и 200 человекъ.

Городскіе и земскіе дѣятели перваго уѣзда опустили носы долу, благодаря законнику П.; дѣятели втораго уѣзда, благодаря старому беззаконнику-инспектору, обратно подняли носы выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго...

Такая ненормальность не могла не броситься въ глаза окружному начальству; оно видѣло, что дѣло неладно...

Второй городъ, опираясь на такой чудесный уловъ рыбъ въ свои классическія мрежи, и простодушно вѣря, что Господь создалъ ихъ за тѣмъ, чтобы двигать науку, поднялъ вопросъ о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Отрядили избранныхъ изъ своей среды лучшихъ людей въ качествѣ ходячихъ, и дѣло закипѣло не на шутку.

Вызываютъ П. въ округъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ хорошій, говорятъ ему: такой-то уѣздный городъ набралъ въ свою прогимназію необычайное количество учениковъ. Ни въ одномъ германскомъ городѣ такого процента учащихся не найдешь. Теперь они хлопчуть о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Намъ легче будетъ васъ сдѣлать директоромъ тамъ, на мѣстѣ, нежели перевести изъ инспекторовъ въ директора. И потому предлагаемъ вамъ перемѣститься туда заранѣе.

Ну, не чудаки ли?

Вѣдь для нихъ было очевидно (если допускали переселеніе душъ), что душа Ирода-четвертовластника изъ чистилища

изгнана и нашла пристанище въ просторномъ помѣщеніи П.; что если онъ такъ жестоко накатавасилъ въ К., то онъ не сойдетъ съ этой дороженьки и въ новомъ Виенеемѣ.

Ему бы нужно было сказать: голубчикъ! сейчасъ свирѣпствуютъ въ Болгаріи башни-бузуки; среди нихъ ты будешь такой ли эфенди, что другого и въ Турціи не найдешь; пользуйся случаемъ, благо тамъ нуждаются въ такихъ господахъ, а для насъ ты милый неподходящій! Съ Богомъ! не робѣй! Карьеру блестящую сдѣлаешь!..

А вмѣсто этого онъ слышитъ совсѣмъ другое, и, разумеется, сейчасъ же даетъ свое благосклонное согласіе, и переводъ состоялся.

Узнавши отъ учителей о предполагавшейся комбинаціи, я при первой же встрѣчѣ съ нимъ (кажется, на улицѣ) обратился къ нему съ просьбой прихватить и меня съ собой, если представится подходящее свободное мѣстечко.

Къ моей просьбѣ онъ отнесся очень любезно и даже сообщилъ, что по его свѣдѣніямъ съ прежнимъ инспекторомъ уходитъ и его родственникъ, занимавшій массу должностей: помощника классныхъ наставниковъ, письмоводителя, учителя исторіи и географіи, да къ тому же имѣлъ время взять нѣсколько уроковъ въ женской прогимназіи. Такимъ образомъ первыя двѣ должности П. предложилъ мнѣ.

Я, конечно, согласился, несмотря на то, что по общему отзыву учителей П. для службы былъ тяжеленекъ...

Но и изъ нихъ-то многіе (нечего грѣха таить) были съ лѣнцой и относились къ своимъ обязанностямъ, какъ говорится, спустя рукава. Это обстоятельство я долженъ былъ принять къ учету и особаго страха въ моемъ предпріятіи не ощущалъ.

Когда пришелъ переводъ П., онъ вызвалъ меня къ себѣ и сообщилъ, что въ половинѣ іюля ѣдетъ принимать должность; присмотрится тамъ и если дѣйствительно съ инспекторомъ уйдетъ въ отставку и его родственникъ, то П. сообщитъ мнѣ объ этомъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ жена П. получила письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что если я не раздумалъ служить съ нимъ, то чтобы къ 1 августа прѣзжалъ.

Я былъ очень этому радъ: во 1) жалованья въ общемъ я долженъ получать вдвое больше, во 2) все-таки служба въ среднемъ учебномъ заведеніи давала извѣстныя преимущества,

и въ 8) я полагаю на свои силы, избытокъ которыхъ давалъ мнѣ основанія думать, что съ соединенными двумя должностями я управляюсь свободно.

Правда, новое дѣло, предстоявшее мнѣ, канцелярія, съ которою я совершенно не былъ знакомъ, заставляла меня нѣсколько призадумался, но—Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ! Не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ?

А главное—особенно меня прельщало имѣвшійся въ перспективѣ и обѣщанный мнѣ П. переводъ на должность учителя приготовительнаго класса.

Удачный выборъ на такую же должность моего товарища, такого же приходскаго учителя, привелъ П. къ твердому убѣжденію, что для приготовительныхъ классовъ самыя лучшіе учителя—это учителя именно приходскихъ училищъ, а не уѣздныхъ.

И онъ былъ правъ.

Впослѣдствіи былъ изданъ какимъ-то попечителемъ циркуляръ по учебному округу, что бы на мѣста учителей приготовительныхъ классовъ были назначаемы лица, имѣющія званія не ниже уѣздныхъ учителей.

Такое распоряженіе свидѣтельствовало о томъ, что г. попечитель до подобнаго циркуляра, не ознакомившись всесторонне съ сущю дѣла.

Онъ разсуждалъ, очевидно, такъ: учитель приготовительнаго класса, если онъ съ высшимъ образованіемъ, по уставу пользуется правами учителей нормальныхъ классовъ гимназій; если же онъ безъ высшаго образованія, то ему предоставлялись права уѣздныхъ учителей той губерніи, въ которой онъ служитъ; слѣдовательно, и образовательный цензъ для учителя приготовительнаго класса долженъ быть не ниже уѣзднаго учителя.

Съ точки зрѣнія закона и теоретическаго разсужденія онъ былъ безусловно правъ: тебѣ даны права уѣзднаго учителя, такъ и ты долженъ имѣть соотвѣтствующее свидѣтельство; но на практикѣ, для сути дѣла, такое распоряженіе едва-ли имѣло разумныя основанія.

Кто у насъ въ былое время шелъ въ уѣздные учителя?

Во-первыхъ, окончившіе курсъ духовныхъ семинарій, не пожелавшіе посвятить себя пастырской дѣятельности; не поступившіе въ духовную академію для продолженія образованія—во-вторыхъ, и, наконецъ, въ третьихъ—не получившіе мѣста въ духовныхъ училищахъ. Такимъ образомъ получалось, что въ

уѣздные учителя по большей части шли семинаристы второ-разрядники.

Сдавалъ онъ на уѣзднаго учителя спеціальный экзаменъ по какому-нибудь одному предмету, преимущественно по русскому языку, или же бралъ главнымъ предметомъ исторію съ географіей; математика же у нихъ была вѣчно камнемъ преткновенія, и выбрать ее главнымъ предметомъ рѣдко, очень рѣдко, кто изъ нихъ покушался на это.

Ни для кого не тайна, что въ программахъ духовныхъ заведеній математикѣ отведено мѣсто самое незначительное, гдѣ-то на заднемъ столѣ съ музыкантами, не знаю, какъ теперь, а прежде она у всѣхъ была въ загонѣ: и у учителей, и у начальства, и у учениковъ. Получивши самыя слабыя начатки свѣдѣній по математикѣ въ духовномъ училищѣ, онъ переходилъ съ ними въ семинарію; здѣсь онъ натыкался на учителя математики изъ академиковъ, которые знали предметъ немногимъ лучше своихъ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, что ни одинъ изъ семинаристовъ съ настоящей-то математикой никогда не былъ и знакомъ. Были, правда, счастливыя исключенія, какъ, на примѣръ, бывшій попечитель Моск. уч. окр. П. А. Некрасовъ, изъ рязанскихъ семинаристовъ и вдругъ достигъ ученой степени—доктора чистой математики, но вѣдь согласитесь, что изъ исключенія общаго правила выводить не слѣдъ, и ужъ во всякомъ случаѣ Рязанская семинарія непорочна въ этомъ дѣлѣ ни душой, ни тѣломъ.

А между тѣмъ такому спеціалисту по русскому языку въ приготовительномъ классѣ придется имѣть дѣло и съ ариеметикой.

Въ учителя математики попадали господа большею частью изъ неудавшихся гимназистовъ. Рѣдко, очень рѣдко окончившій курсъ гимназіи шелъ въ учителя уѣздныхъ училищъ: зачѣмъ ему нужно было лѣзть въ учителя, когда для него открыта дверь университета. Но, зная математику, занимаясь исключительно ею въ предѣлахъ курса уѣздныхъ училищъ, они поне-многу растеривали въ пути свои познанія по русскому языку, преподаваніе котораго въ приготовительномъ классѣ входило въ кругъ ихъ обязанностей. Про учителей-историковъ я уже не говорю: при чемъ тутъ исторія Пипина Короткаго, или климатъ полярныхъ странъ, когда требуется русская грамматика и рѣшеніе задачъ? Вотъ учителя городскихъ училищъ, гдѣ введена система классная, а не предметная, то дѣло другое.

Неосновательность распоряженія попечителя была подтверждена самою жизнью.

Когда поднялся вопросъ о прекращеніи доступа къ образованію „кухаркинымъ дѣтямъ“, то принята была самая дѣйствительная мѣра: закрытіе приготовительныхъ классовъ въ 1887 году. Этотъ шагъ тормозилъ путь къ образованію не только „кухаркинымъ дѣтямъ“, но и дѣтямъ чиновниковъ, мѣщанъ, крестьянъ, большей части духовенства—всѣ это восчувствовали особенно живо.

Но жизнь сильнѣе всѣхъ министровъ вкупѣ и всѣхъ циркуляровъ въ полномъ собраніи.

Жизнь творила свое дѣло, не справляясь съ вкусами гг. циркуляристовъ.

Съ закрытіемъ приготовительныхъ классовъ стали чахнуть и гимназій. Нѣкоторые изъ начальниковъ средн. учеб. заведеній для питанія своей гимназій на свой страхъ и рискъ пооткрывали начальныя училища, явился притокъ учениковъ; чахлое учебное заведеніе поправлялось, разрасталось и сплошь и рядомъ преобразовывалось въ полную гимназію. Силкомъ пробивался народъ къ свѣту познанія. Никакіе циркуляры не помѣшали времени сдѣлать свое дѣло, и „кухаркинымъ дѣтямъ“ ходъ открытъ, какъ и всѣмъ другимъ. Пооткрывалась масса частныхъ учебныхъ заведеній и всѣ они имѣли при себѣ начальныя училища, какъ основу свою, какъ источникъ своего питанія. А вотъ господинъ - то попечитель этого и не узрѣлъ, не понялъ, въ чемъ суть дѣла. А между тѣмъ, какъ все это было просто: вѣдь приготовительный-то классъ было то же начальное училище только съ нѣкоторымъ расширеніемъ программы русскаго языка въ сторону грамматики.

Итакъ, жребій брошенъ: переходъ въ среднее учебное заведеніе рѣшенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Морозовъ.

